

*Т.В. Сизоненко,
зав. краеведческим отделом Дома
знаний г. Череповца.*

Череповецкий уезд в начале 20-х годов.

Ушедший в историю XX век оставил для специалистов большой фронт работы по раскрытию белых пятен, прояснения причин, мотивов многих событий. Это относится, конечно же, и к 20-м годам, времени установления Советской власти. И порой на уровне города ярко проявляются штрихи эпох, яснее становится ход событий. В этой связи интересны архивные материалы, где есть любопытный отчет Череповецкого уездного экономического совещания за 1921 год, который подводит некоторые итоги деятельности Советской власти за 3 года и представляет нам определенную картину происходящего. Как же выглядел Череповец и уезд к 1921 году?

Население города и уезда в 1920 году составляло примерно 215 тысяч человек¹, что больше на 10% по сравнению с 1918 годом. Рост его был связан с притоком беженцев, которые устремились в провинцию из беспокойного и голодного Петрограда и других мест. Вероятно цифра эта не совсем точная, пересчитать двигающуюся массу, да еще в такой период, очень тяжело. Городских жителей – 14,5 тысяч человек (6,7%), что составляет 1/3 городского населения губернии. Нужно отметить – население Череповецкого уезда приблизительно в 3 раза больше, чем в Кирилловском и примерно в 2 раза больше, чем в Белозерском уездах.

Череповецкий уезд занимал площадь около 8,3 тыс.верст². Это меньше на 43%, чем Белозерский или Тихвинский уезды. Общая лесная площадь равнялась примерно 420 тыс. десятин³. Господствующей породой являлась ель. Число крестьянских дворов равнялось 40 тысячам⁴. В них использовалось лошадей, в том числе и рабочих, 57 тысяч. Всего скотины – коров, свиней, овец – более 187 тысяч голов⁵. Число промышленных предприятий приближалось к 1400, что составляло 1/3 губернского потенциала. А количество наемных работников равнялось примерно 1400 человек (также 1/3 губернского пролетариата⁶). Среди предприятий – железоделательных заводов и кузниц – 218, мельниц – 573, маслобоек – 145, кожевенных заводов – 22 и другие⁷. К осени 1921 года частные предприятия составляли 80%, артели и кооперативы – 14%, национализированных было около 5%. Из-за отсутствия сырья и плохого оборудования 2% промышленности простаивало, из них 63% – это кожевенные заводы. Обеспеченность предприятий необходимым материалом и топливом составляла от одного месяца до года⁸. Власти осторожно рассматривают вопрос о выгодности того или иного предприятия. Из госсектора предлагалось некоторые перевести на коммерческие начала. Здесь нужно отметить следующее – даже действующая промышленность работала в пол силы, хотя были и положительные примеры, как Андогский древомастный завод. Его успехи объяснялись энергией и организаторской способностью руководителя, сознательностью рабочих и отличными условиями получения сырья и топлива. Наблюдается тенденция развития кустарных промыслов. Кустари стали объединяться в артели, артели в союзы, последние заключают с Губкустпромом договора и сдают государству свои изделия, а государство по мере возможности снабжает их сырьем. На осень 1921 года число артелей – 162, рабочих занятых там на производстве около 4600

человек. Из этих малых предприятий 17% занимаются обработкой металла, 17% – текстильным производством, 22% – деревообделочным промыслом, 28% – сапожным⁹. Заканчивая вопрос о состоянии промышленности Череповецкого уезда к 1921 году, нужно констатировать кризисное ее положение, и только заготовка леса в уезде и губернии позволяли ей держаться «на плаву», а наличие железной дороги и водного пути делали это место притягательным для населения.

Уже несколько лет важнейшим вопросом являлся продовольственный. И хотя сельское хозяйство находилось в плачевном состоянии, некоторая характеристика ему может быть дана и прослежены пути решения проблемы. Посевная площадь в уезде составляла около 32,5 тыс. десятин, которые распределены были следующим образом: у крестьян в сельских общинах находилось 95% земли; коммуны, артели, товарищества занимали 4% и советские хозяйства – 1%¹⁰. В отчете экономического совещания отмечено – коммуны и артели на крестьянские хозяйства не оказывали никакого влияния, хотя ситуация складывалась в пользу первых. Так, например, (цифры отсутствуют) количество рабочего и продуктивного скота в советских хозяйствах, коммунах и артелях увеличивалось путем закупки и выданных бракованных из армии, а у крестьян в сельских общинах уменьшалось из-за бескормицы, падежа, гужевой повинности и закупок в армию. Существовала еще одна проблема – недостаток бычков-производителей. Нормой для бычка было обслуживание 60-70 коров, а по факту получалось 80-110. На общество в Череповецком уезде выдали 16 бычков. В Починковском и Югском рассадниках воспитывалось еще 48 племенных быков¹¹. Наблюдались и другие проблемы, но главной оставалась отсутствие запасов хлеба у населения. И здесь же экономическое совещание замечает – крестьянство принуждено оставлять для себя голодные нормы хлеба ...: «таким путем можно заготовить (продразверстка) 50 тысяч пудов хлеба, 100 тысяч пудов картофеля, 30 тысяч пудов других овощей, 200 тысяч штук яиц. Есть надежда заготовить 9 тыс. пудов льна, 12 тыс. штук сырья кож и 55 тыс. штук пушнины¹²...».

При этом тяжелом прессинге со стороны государства происходило не только развитие сельского хозяйства, но намечалось развитие товарообмена. В материалах совещания записано – слабый подвоз продовольствия из производящих губерний частично содействует подъему в развитии сельского хозяйства. Товарообмену способствовала нужда населения. Открытый в июне 1921 года в Череповце первый товарообменный пункт показал спрос на соль, керосин, мануфактуру, стекло, гвозди и другие товары. Например, на вольном рынке летом 1921 года за пуд ржи можно было получить до 40 фунтов соли, 5 аршин ситцу, до 30 фунтов керосину, до 6 фунтов сахарного песка и до 5 сахара¹³. Частная торговля развивалась в более сильной степени, чем кооперативная, устроенная централизованно и не совсем эффективно в рассматриваемое время. Губсоюз направлял по райотделам товары, те в свою очередь разбрасывали их по волостным многолавкам, и, наконец, товар попадал в сельские отделения. Нужно заметить, что в пути происходила частичная потеря товара. Так, за лето, при перевозке водным транспортом, пропало соли 153 пуда, овчин 13 штук, керосина (утек) 81 пуд¹⁴. Однако, несмотря на все трудности, товар и продовольствие в Череповец подвозили. Существовал даже план снабжения продуктами и распределения их по больницам, между детьми, шкрабами, медперсоналом, служащими карательных органов, из них же формировались броньпайки. В городе были организованы 3 детских столовых на 706 человек, остальные получали сухими продуктами по нормам. Но в летние месяцы, из-за отсутствия продуктов, дети не получили свой паек. Для общественного питания существовала коммунальная столовая для командировочных, а с 1 мая все совслужащие переходили на коммунальное питание, ответственные работники получали основной паек на себя и семью¹⁵. До 1921 года наблюдалось сплошное

паломничество рабочих и служащих в поисках продовольствия в окружающие город деревни, даже на большие расстояния по водному и железнодорожным путям. К осени 1921 года оно сократилось, благодаря урожаю овощей. Предположительно 2/3 населения были обеспечены своими овощами¹⁶. А пока сохранялся порядок вещей – из поступающих продуктов на детское питание выделялось 46%, броньпаек и ответственные работники с семьями получали 35%¹⁷. Хотя и с имеющимися продуктами не всегда поступали рачительно. Собранный, например, в 1920 году картофель заморозили из-за нестроеного овощехранилища. Но и в 1921 году этот объект строители не освоили¹⁸.

Одним из способов организации людей на работу стала трудповинность. Так молодежи с января по май 1921 года было привлечено на работы около 4,5 тысяч человек (в основном на шлюз Черепановка Ольховской волости). Но, как правило, привлекалась не только молодежь. Людей старались использовать в течение всего года и на самых различных работах: обслуживание топняка, установка моторов, ремонт зданий, обслуживание лесопильного завода, чистка канав, колодцев, уборных, ремонт железнодорожного пути, мытье полов, доставка грузов, борьба со снежными заносами, пожарами, помощь семьям красноармейцев¹⁹.... Результат таких работ был крайне низкий, так как труд не подкреплялся ни продовольствием, ни одеждой, ни обувью. Отношение населения к трудповинности было крайне отрицательное, люди прозвали ее «принудилкой». Так как население еще не было взято на строгий учет, а у хозяйственных органов не имелось силы, чтобы жестко мобилизовать людей на работу, то происходило некое расхождение между желанием властей и действительностью²⁰. Набор осуществлялся на различные сроки, от одного дня до месяца. Так с 1.07 по 1.10.21 г. хозорганы попытались мобилизовать в уезде на работы около 11,5 тысяч человек и чуть более 6 тысяч лошадей, а по факту, населения вышло на работу около 14%, а лошадей вывели 1% от запрашиваемых. Эти данные в силу разных причин могут уточняться, но тенденция налицо²¹. Отдел труда по мере возможности ведет борьбу с труддезертирами. При помощи милиции за лето было привлечено, поймано 743 человека и направлено на работу²². Газеты в течение ряда лет пестрели статьями и призывами к дезертирам. Как это воздействовало на них, сегодня судить трудно.

В уезде и Череповце работало 43 учреждения народной связи, состояние приборов отмечается удовлетворительное, но и здесь не без проблем. Не хватало хозяйственных, канцелярских принадлежностей, отсутствовали квалифицированные рабочие, не было запасных телефонных и телеграфных частей, которые раньше получали из-за границы. Не нашла широкого применения идея организации кадров пеших почтовых посыльных вследствие продовольственной необеспеченности. Чиновники народной связи сокрушались – нужно обязать все население уезда круговой порукой, чтобы следили за сохранностью изоляторов и проводов, ввиду их постоянного битья и хищения. К осени 1921 года Губотдел уже наложил на население штраф в сумме 40 млн. рублей²³. Санитарное состояние города и уезда находилось под контролем властей, но снова желаемое не всегда становилось действительным. В уезде очистка населенных мест от мусора практически не производилась. В городе проводилась очистка садов (субботники), помойных, выгребных ям, уборных. Все нечистоты весной вывозились на огороды и поля. Очистка же улиц, дворов от мусора производилась мерами принуждения. Уличенные в неисполнении штрафовались на 50 тыс. рублей или подвергались заключению в лагерь принудительных работ. Штрафов за летние месяцы было положено 3 млн. рублей (60 человек), но взысканы только 50%²⁴.

Пожаров за 9 месяцев 1921 года – 36, в уезде – 7 крупных, которые опустошили несколько деревень, мелкие не подсчитывались. Во всех волостях были организованы

добровольные пожарные дружины. Те, кто туда входит, освобождались от трудовой повинности. На тушение пожаров граждане уезда шли по первому требованию²⁵.

Хотелось бы еще остановиться на работе наркомюста и милиции. В то непростое время их деятельность ярко характеризовала положение сложившихся вещей. В суд обращались все социальные слои и по различным вопросам. В делах Наркомюста наметилось несколько направлений – несвоевременное выполнение молочной повинности, укрытие пахотной площади, уклонение от мобилизации на ударные работы, хищения, дела о нарушении продналога. В волостях Чаромской и Кондашской произошли разгромы и самовольное распределение зерна. По делу привлечено 59 человек – 1-го расстреляли, 1-го отправили в Исправдом, большинство – на принудительные работы от 1-го года до 5 лет, часть получила условное заключение, часть оправдали²⁶. Отмечается, что есть разница между репрессиями, проводимыми в городе и деревне. В деревнях участковые народные суды больше приговаривали к заключению на короткие сроки и принудительные работы без содержания под стражей. В городских участковых судах меры наказания были строже²⁷. С 1918 года по ноябрь 1920 г. в разные следственные органы было направлено примерно 13000 дел. Из них уголовных – 46%, разных гражданских дел – 44,5%, спекуляция – 8%, политических – 1,3%. Раскрываемость на тот момент была 71%. Арестовано и передано властям дезертиров 4700 человек, по разным делам – более 4000 человек, преступников – более 3000 человек. В уезде и городе служило 568 милиционеров и 60 человек командного состава. Не хватало 136 милиционеров и 34 человека командного состава. Коммунистов – 25%, среди командного состава – 78%. Милицейских постов по городу – 11, по уезду – 3²⁸. Укарауливались склады, предприятия (винный склад, почта ...). Работы у милиции было в избытке. Через город шли эшелоны с беженцами, существовал эвакуационный пункт. Так, на осень 1921 года официально было зарегистрировано 900 беженцев, 700 из которых отправили на родину²⁹. Пример питания беженцев – тарелка супа и ½ фунта хлеба, стакан чая (1 руб.), второе блюдо – нередко с мясом (30 руб.), селедка с гарниром³⁰. Существовал лагерь русвоеннопленных на 2000 человек и лагерь принудительных работ. Про лагерь принудительных работ можно сказать, что он располагался на берегу Шексны у шлюза Череповец. Там находилось 167 человек. Большинство было задействовано на хозяйственных работах в бывшем имении Макарьино (выгрузка леса). Для них готовился обед и ужин из одного блюда, и ежедневно выдавалось ½ хлеба, ½ рыбы, ½ золотника растительного масла, ¼ фунта подболточной муки, соль. Жили в бараках, там была библиотека, газеты, читались лекции³¹.

Еще одним фронтом, который сдерживала милиция и власти, было бытовое пьянство. В волостях выгонка самогонки, варка пива, пьянство процветали, особенно в праздники, когда происходила масса драк и убийств. Некоторые инспекторы Упродкома, работающие в волостях по сбору продналога, злоупотребляли доверием крестьян, брали взятки и даже пьянствовали, чем обостряли положение дел.³²

Заканчивая, хотелось бы зачитать вместо вывода одно из донесений в Череповецкое Губчека по поводу положения в городе на осень 1921 года: «Все относительно спокойно, ... на учете состоит 101 политически неблагонадежный человек, а еще один левый социал-революционер, один коммунист-анархист (сам себя так называет)..., имеется 4 осведомителя, но работа пока небольшая³³...». Время покажет – Череповец в данный период был ничем не примечательным провинциальным городком, как многие сотни других городов. И пока никто не мог предположить, что всего лишь через 30 лет здесь снова закипит бурная жизнь, как во времена городского головы Ивана Андреевича Милютина.

Источники:

1. Ф 1. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 262 – 266.
2. Там же. С. 72 – 74
3. Там же. С. 8 – 11.
4. Там же. С. 205.
5. Там же. С. 17 – 18.
6. Там же. С. 266.
7. Там же. С. 299.
8. Отчет Череповецкого уездного экономического совещания 1921 г. С. 34 – 35.
9. Там же. С. 38 – 39.
10. Там же. С. 27.
11. Там же. С. 11.
12. Там же. С. 2 – 3.
13. Там же. С. 7.
14. Там же. С. 4.
15. Там же. С. 40.
16. Там же. С. 41.
17. Там же. С. 42.
18. Там же. С. 46.
19. Там же. С. 49.
20. Там же. С. 52.
21. Там же. С. 54 – 60.
22. Там же. С. 67.
23. Там же. С. 70 – 72.
24. Там же. С. 73.
25. Там же. С. 74.
26. Там же. С. 76.
27. Там же. С. 77.
28. Коммунист -3 ноября. – 1920.
29. Отчет Череповецкого уездного экономического совещания 1921 г. – С. 74.
30. Коммунист. – 25 октября. – 1919.
31. Коммунист. – 10 июня. – 1920.
32. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 5. С. 6.
33. Там же. С. 3.

¹ Ф 1. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 262 – 266.